

«Иногда мне жалко мужчин, потому что они — мужчины», —

призналась корреспонденту «ВК» поэтесса и общественный деятель
Римма Казакова

Римма Казакова хорошо известна и как поэт, и как автор многих популярных песен: «Ненаглядный мой», «Ты меня любишь», «Музыка венчальная», «Ариадна», «Безответная любовь», «Вальс издалека». Одна из недавних — «Наш дом — Россия», ставшая визитной карточкой политического движения. Сама Римма Казакова вместе с Олегом Новиковым и Олегом Калугиным возглавляла общедомовальный список кандидатов в депутаты Госдумы от Федерально-демократического движения «Честная Россия».

ки. Более 30 лет входила в состав Советского комитета защиты мира. Для меня все это — не занятие от нечего делать, не формальность и не проявление амбиций, а часть жизни.

— **Вы с таким воодушевлением вспоминаете былые годы...**

— Тем не менее никакого возврата к прошлому не хочу, хотя жили тогда, может быть, полечче. Но я и не из тех, кто зачеркивает все, что было. Как тогда относиться к нашим отцам, которые были вписаны в клетку этого советского государства и, несмотря на репрессии, лишения, строили Днепротэкс, Магнитки? Отдать на заклание, топтать в грязь? Они не виноваты, что родились в ту эпоху. А вот пример из сравнительно недавних времен. С 1976 года до 81-го я была секретарем правления Союза писателей СССР, и могу гордиться тем, что эту эпоху мы сделали поэтическим рупором страны, провели более 40 вечеров старых и молодых поэтов.

— **О благодатности тех лет для поэтов можно поспорить. Не в те ли годы, скажем, был разгромлен литературный альманах «Метрополь»? А сколько писали в стол, без надежды на публикацию? Впрочем, мы отвлеклись... Римма Федоровна, постоянно быть на виду — не утомительно?**

— А не сильно-то и утомляясь приходится! Три года назад я вообще была в растерянности: статус поэта в стране стал нулевым, быть писателем оказалось и непрестижно, и невыгодно. Почему? Действительно, многие из

тех, кто был в славе в годы брежневского режима, оказались дутыми величинами. Я вполне нормально отношусь к Юрию Васильевичу Бондареву, однако когда его называли чуть ли не живым классиком, чуть ли не Пушкиным, то явно преувеличивали. В Союзе писателей насчитывалось 10 тысяч человек! И то, что многие из них сегодня ушли из литературы, — естественно. Зато оставшиеся — это те, кто не может без литературы жить. По-моему, если бы политики да и рядовые граждане чаще прислушивались к слову поэта, многих ошибок наше общество могло бы избежать. Это диктуется сердцем, нередко оказывается самым верным.

Вот некоторые недоумевают: «С ума что ли походили солдатские матери? Что это они лезут в Чечню, вытаскивают своими юбками сыновей?» Меня эти вопросы оскорбляют и потрясают жестоко. Ведь самое-то главное — это мать, которая девять месяцев носит под сердцем свое дитя, рождает его, вскармливает, лелеет, а потом эту ее кровиночку вдруг, непонятно зачем, посылает под пули и — убивают! Что же это за общество, где такое в порядке вещей?!

— **Движение «Честная Россия» ориентируется прежде всего на творческую интеллигенцию?**

— Не только. Среди соучредителей десятка три общественно-политических организаций и творческих объединений. ФДД выросло не на пустом месте. Оно преемник Общественного комитета демократических организаций России, благодаря которому

баланс демократических и антиперестроечных сил в критические дни апреля 1993 года был сдвинут в сторону реформаторов. Это демократы новой волны, полагающие, что в рынок нужно входить осторожно, принимая во внимание интересы социально незащищенных людей. Мне особенно импонирует то, что ФДД предлагает отказаться от финансирования культуры по остаточному принципу. Министр культуры России Евгений Сидоров — мой старый друг. Это человек умный, талантливый, с прекрасным образованием, поэтически мягкой душой, все, что он делает, делает с сердцем, это настоящий министр культуры. Но что он может сделать? Представляю, какой кошмар быть министром культуры в нашей стране. Министр культуры должен занимать почетнейшее место в правительстве. А у нас?

— **В интервью, которое не так давно дал мне Евгений Юрьевич, он избегал жалоб, считая, что смешон был бы министр с протянутой рукой. Удручает его даже не столько мизерный объем ассигнований на культуру и искусство — к примеру, в 1994 году фактически было получено 59,6 процента от запланированного, — сколько сама философия тех, кто составляет бюджет.**

— А почему это так? Вот Грачев считает, что нужна большая армия, нужно увеличить сроки службы, но другие-то думают иначе. Может быть, все-таки есть смысл добиться хотя бы маленьких перемен в этом больном воп-

росе. Я, например, уверена, что бюджет сегодня составляется неправильно.

— **Вы кого-то конкретно обвиняете?**

— Нет ни одного политика, про которого однозначно можно сказать либо что-то хорошее, либо плохое. Но всех своих лоцманов, боцманов и капитанов, всех, стоящих у руля, мы почему-то непременно должны или насмерть любить, или убийственно ненавидеть. Третьего не дано. Так и ходим вокруг истины, которая не помещается в полярных точках экстремистских программ и действий. Я лично ничего не имею против тех, кто исповедует другие взгляды.

— **Например?**

— Теоретически коммунистическая доктрина не такая уж плохая. Как сказал один диссидент, возражая борцу против коммунизма: «Это все было придумано задолго до Маркса». Я очень хотела бы жить в обществе, где все люди были бы братьями. До сих пор коллективное начало для меня выше индивидуального. Я успела воспитаться таким образом, что работать «на энтузиазме» мне ближе, чем только за деньги. Однако понимаю: это красиво звучит, но страшно далеко от жизни. Мы уже попробовали внедрить коммунистическую доктрину в жизнь: одни бакули били, другие работали.

— **С кем из поэтов-женщин вы дружите?**

— Применительно к нашим отношениям слово «дружба» не подходит. У Агашиной есть такие строки про журавлей: «Они всю жизнь летают рядом, но это боль-

ше, чем любовь». Так и мы — летим рядом. Сейчас у меня нет личных контактов с Беллой Ахмадулиной, Новеллой Матвеевой. В юности мы общались больше. Пути жизни развели и по интересам, и по семейным обстоятельствам. Однако это не означает, что я не слежу за их творчеством. С любовью отношусь к Тамаре Жирмунской, Татьяне Кузиной, из молодого поколения — Елене Исаевой, Ольге Маториной. Не люблю, впрочем, ничего соединительного по признаку пола. Выступая однажды перед американцами, сказала, что о том, что я женщина, узнала от Ларисы Васильевой, президента Международной лиги писателей (кстати, я один из вице-президентов этой организации). «Читай свои стихи — сама поймешь», — пояснила мне Лариса. А вообще я не поборница эмансипации. Думаю, женщина создана для того чтобы укреплять общество совсем с другого бока: через семью, воспитание детей. Каждая женщина настолько прекрасное творение! Иногда мне жалко мужчин, потому что они — мужчины.

— **Как следует из стихов, ваше определение поэзии довольно жесткое для женщины: «... мужичье дело, волонный труд, солонный пот»...**

— То был мой испуг перед жребием, который выпал. Наверное, не совсем точное слово «мужичье». Но работа поэта действительно страшно трудная. Отсюда строки, идущие вслед за процитированными: «Зачем же Орлеанской девой в поэты девочка идет?»

Николай Павлович Задорнов, писатель-романист, с которым я познакомилась на Дальнем Востоке, однажды сказал мне: «Девочка моя, если бы вы знали, какую профессию избрали! Быть рыбаком, моряком, летчиком — это в тысячу раз более женское дело, нежели то, чем вы решили заниматься!»

— **Ваша последняя книжка вышла не так давно, верно?**

— Да, этой весной. Стихотворение, которое дало ей название — «Наугад», говорит о том, что мы сами иногда не понимаем, кто мы есть.

Я шагала, как солдат: часть массовки, часть народа.

Но чертилс наугад путь совсем иного рода. От спящей темноты, от казенного усердства он увел туда, где ты, только ты диктуешь, сердце.

Беседовала
Елена КОНСТАНТИНОВА.

— Римма Федоровна, вот и вы занялись политикой. А как же «служенье муз...»?

— А кто сказал, что я служу музам?

— **Но вы поэт?**

— «Я Господу служу, не Господину» — такая есть у меня строчка. Не знаю, что моя муза. Я служу человеку. Стихи писала с детства, не подозревая, что они станут моей профессией, чем-то основополагающим в жизни. Считала, как один хорошо танцует, второй — шьет-вяжет, так третий — пишет стихи.

Эпоха, совпавшая с моей юностью, была совершенно запутанная.

Были знания темны, а познания лукавы... В звонких сумерках страны —

как мы жили? — Боже правый!

Цель ясна, приказ — в висок, берегись! —

кто помешает. Барабанный

марш-бросок. И — мечта, воздушный шарик.

Так позже я попыталась отобразить наше время.

В 1949 году, когда я поступала на исторический факультет Ленинградского университета, большинство наших преподавателей посадили как «космополитов». Мы толком не понимали, что к чему. То зубрили «Марксизм и вопросы языкознания», то клеймили «врачей-отравителей» и еврейскую организацию «Джойнт», то превозносили изобличившую «убийцу» Лидию Тимашук... 1953 год, смерть Сталина. Борьба с «культом личности». И когда я окончательно запуталась, то вместо того, чтобы поступать в аспирантуру открывшегося тогда в Москве Института стран Латинской Америки, решила: поеду-ка в глубинку и разберусь в самой себе. В Хабаровске работала в газете, на студии документальных фильмов. Много ездила по краю. В общем, до того в себе доразбиралась, что в 1959 году меня приняли в Союз писателей, а немногим раньше вышла моя первая книжка стихов.

Из политики же я никогда не выходила. Всегда была, как говорили в прежние времена, политически ангажированным человеком. В 1966 году, например, как корреспондент «Литературной газеты» участвовала в «триконтинентале» — конференции трех континентов, поставившей задачу соединить латиноамериканское и афро-азиатское прогрессивные движения. Работая в президиуме Комитета солидарности со странами Азии и Афри-